

ТРИ ЗВУКА ДЛЯ СИМФОНИИ

6 MAR 1975

Г. Москва

Думаю, каждый, кто приезжает в Баку, приходит на эту мемориальную площадь, где покоятся останки 26 бакинских комиссаров. Горит Вечный огонь. Музыка Кара Караева словно возникает из огня и, истаяв на последней ноте, беззвучно продолжается в его скорбном и торжественном танце...

...Осенью 1943 года в Московской консерватории в классе сочинения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича появился смуглый юноша. После короткого обмена репликами он подошел к роялю и, получив согласие профессора, начал играть, сначала скованно, а потом все более уверенно...

С тех пор прошло свыше тридцати лет. Юноша давно стал одним из замечательных композиторов нашего времени, встречи с музыкой которого мы всегда ждем. Масштабные сочинения Кара Караева всякий раз поражают оригинальностью замысла, новизной выразительных средств.

Создает ли он симфонии, балеты или работает над хоровой кантатой, которую часто в разговоре называют «плакатом» — за впечатляющую простоту ее содержания и яркую броскость подачи, — пишет ли он камерную или киномузыку, художник всегда стремится откликнуться на самые важные события современной жизни.

За свое творчество композитор удостоен Ленинской и Государственных премий, звания народного артиста СССР и других почетных званий. И все же как величайшую награду хранит он в своей памяти впечатление от первой встречи с учителем.

— Спокойствия в те минуты не было, — вспоминает Кара Караев. — Играя, я вдруг понял, что написал слабую симфонию, но другого сочинения тогда показать не мог. Поэтому, кончив играть, с искренностью дилетанта сказал: «Эту симфонию надо выбросить и написать новую». К моему удивлению, Шостакович со мной не согласился: «Выкинуть легче всего. Сделать эту симфонию — значительно трудней, а значит — полезней. Тут есть материал для работы...»

Так молодой музыкант получил урок настоящего профессионального отношения к делу, с которого, пожалуй, и должны начинаться любые серьезные занятия музыкой. Но это — только первая ступень.

— Главное завоевание композиторской школы Шостаковича, на мой взгляд, состоит в том, — говорит Кара Караев, — что чисто профессиональные проблемы в ней органично сплавлены с этическими и нравственными кодексами ее содержит бескомпромиссные требования идейной убежденности, честности в искусстве, обостренного чувства долга перед народом, постоянного стремления к самоусовершенствованию.

Эти же принципы К. Караев положил в основу своей педагогической работы: в 1946 году он стал вести класс сочи-

нения в Бакинской консерватории.

Недавно я был на уроке Кара Абульфазовича. В кабинете композитора, «отредактированном» настолько, что в нем нет ничего лишнего и потому ничто не отвлекает внимания, ученица, приехавшая из Киргизии, показывала музыку к балету. Само собой разумеется, что весь музыкальный материал был подвергнут детальному разбору, критическому анализу, однако с полным уважением к личности автора. Делая замечание, подробно аргументируя его, Караев свои суждения неизменно заключал: «Согласны? Если нет — возражайте!»

Раз или два соображения коллеги показались Караеву убедительными, и такая самостоятельность, очевидно, доставила ему удовольствие. Во всяком случае он заметил: «Оставим так, как у вас...» Но когда закончилась собственная музыкальная часть урока, Кара Абульфазович счел необходимым рассказать о том, как композитор должен работать с соавторами — либреттистом и хореографом: «Учиться укладывать в отведенное ими для танцев время. Но если у вас начнет получаться медленная, драматическая мелодия, не останавливайтесь. Раскованная мелодия — редкость в наши дни. Во всех остальных случаях жизни пользуйтесь ластиком: сокращение — самое великое дело... пока создается музыка...»

Из класса К. Караева вышло более пятидесяти композиторов. Во многом их деятельность привела музыковедов к выводу о том, что родилась азербайджанская композиторская школа, которой суждено было расцвести там, где еще в начале XX века фактически не было нотной записи и мелодии мугамов хранились не на полках библиотек, а в памяти людей, в семьях народных певцов, передаваясь из поколения в поколение. Это был богатейший источник народного мелоса, из которого, казалось, можно без конца черпать мелодии, цитировать их, обрабатывать.

Позже, когда стало ясно, что и мелодический родник можно выпить до «дна», Кара Караев удачно сравнил такой иждивенческий подход к народному творчеству с неразумной эксплуатацией нефтяных месторождений.

Но к пониманию этого Кара Абульфазович пришел не сразу, хотя справедливости ради следует признать, что и смолу он относился без особого энтузиазма к прямому цитированию народной музыки, механическому копированию ее жанров и форм.

«Брать у народа мы имеем право только в том случае, если можем воздать ему больше, чем взяли». Сформулировав этот принцип, Кара Караев тем самым утверждал бережливое отношение к фольклору. Ведь даже одна характерная скупая интонация — всего 3—4 звука — может претвориться в сочинение крупной формы, симфонию, если уметь извлечь всю

заключенную в звуках «атомную» энергию.

Ставя перед собой задачи все возрастающей сложности, Кара Караев, надо думать, опасается больше всего самоповторений, инерции прошлого успеха и как следствие инерции мышления. И потому однажды, будучи уже на некоей вершине признания, он решил остановиться, осмотреться вокруг себя и по возможности объективно соотнести содеянное им за годы работы с жизнью да и просто с тем, что сделано его коллегами.

Это был мужественный акт, свидетельствующий об обостренной совестливости, художнической честности и принципиальности композитора. В частности, большое место в этом поиске занимало стремление найти новый, более органичный творческий метод разработки фольклорного материала.

На эту черту его таланта одним из первых обратил внимание Д. Шостакович. «Караев, — писал он, — всемерно расширяет свою творческую палитру за счет смелых, порой даже дерзких попыток как можно разнообразнее, интереснее, органичнее сочетать «традиционность» и творческую самостоятельность; он не боится выйти за рамки «принятой» народности, делает это понятие более широким».

Композитору понадобилось несколько лет раздумий, глубокого анализа, прежде чем мы услышали «нового Караева». Результатом этих размышлений стали третья симфония и Скрипичный концерт — произведения с целомудренной строгостью чувства.

Кара Караев меньше всего похож на музыканта, в тиши кабинета разрабатывающего какой-то пласт музыкального искусства. Он стремится проявить себя и в музыкальной публицистике, и в общественной работе как депутат Верховного Совета СССР, секретарь Союза композиторов СССР и руководитель композиторской организации Азербайджана. Такая насыщенная деятельность требует определенного режима работы.

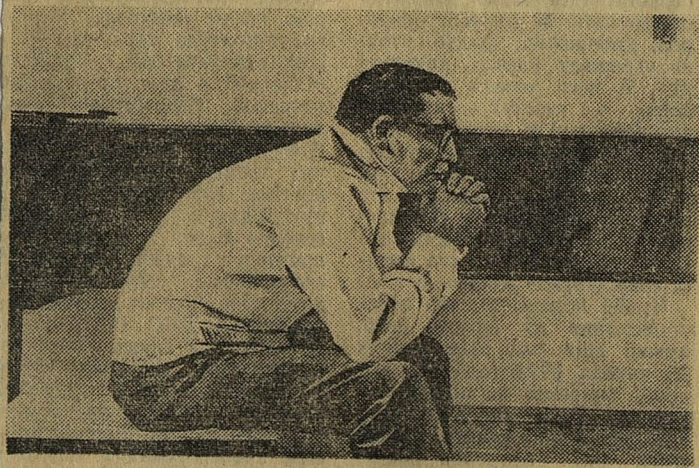
— Не признаю, — говорит Кара Абульфазович, — распорядка, действительного на все случаи. Строгий режим ввожу, как только приступаю к практическому сочинению. Он — как осадное положение. В это время не подхожу к телефону, усиливаю занятия гимнастикой, чтобы быть всегда в форме...

В эти дни в доме Караевых опять «строгий режим». Идет работа над мюзиклом «Сирано де Бержерак» по романтической, героической комедии Э. Ростана. Судя по тем отрывкам, которые мне удалось услышать, композитор избегал соблазна стилизовать музыку в духе сочинений XVII века. Однако аромат того времени сохранился в свободной, раскованной мелодии, которая легла на фундамент современного ритма ударных инструментов. Кое-где стихи Ростана будут читаться без музыкального сопровождения. В других эпизодах композитор подводит под них с помощью музыки своеобразную эмоциональную «подкладку».

Кара Караев и мюзикл? Сочетание неожиданное. И хотя композитор работал практически во всех музыкальных жанрах, писал даже для джаза, не было в его активе произведений для театра оперетты, пока его не подружил с последним неистовый Сирано...

Если в эти дни вы встретите Кара Абульфазовича Караева на улицах города, пожелайтесь, не спешите нарушить его публичного одиночества: даже самые мужественные музыкальные темы, которые потом звучат у труб и тромбонов, на самом деле, очень хрупкие, пока их слышит только композитор.

М. КАПУСТИН.

Композитор Кара Караев. Репродукция с картины Т. Салахова.